

Т.Г. Доссэ

О понимании текста Псалтири с позиций классической герменевтики

Книга псалмов занимает особое место в Библии, она уникальна тем, что содержит не только завет Бога людям, но, как пишет Е.М. Верещагин, «...впервые в истории религии построена по принципу разговора, диалога между Богом и человечеством» [1]. Полифункциональность Псалтири как книги богослужбной и книги четьей сделала ее любимейшей книгой христиан. Псалтирь сопровождала человека на протяжении всей жизни, к ней обращались в минуты скорби и радости, несчастья и благополучия. Сама возвышенная поэтичность и молитвенная выразительность псалмов стали близки православному слушателю и читателю. По словам В.О. Ключевского, «никакой христианский народ всем своим бытом, всю свою историю не почувствовал этого стиха так глубоко, как русский...» [2]. Психологический феномен духовных од царя Давида удивителен: смятенная русская душа, вечно ищущая Идеал Единения и не находящая его, черпает успокоение в поэтическом молитвенном общении с Богом.

Отсюда становится понятным как постоянное употребление Псалтири на Руси с 10-11 вв. в качестве учебной книги, так и особый интерес к ней в 17-18 вв. как источнику лиризма, образцу поэтического содержания и стиля для становящейся на ноги русской поэзии. Опыты переложений псалмов – неотъемлемая часть не только гимназических литературных упражнений, но и творчества русских сочинителей разного ранга.

Интерпретационный характер жанра учитывается в ходе различных исследований псалмодической поэзии. Достаточно обратиться к работам И.З. Сермана или О.А. Державиной, посвященным псалмодии Симеона Полоцкого; Б.Н. Романова или Е.Б. Рашковского,

анализирующим переложения псалмов Г.Р. Державиным; к исследованиям О.Чугуновой псалмодической лирики периода 50-х-70-х годов 18 века или работам В. Семеновой о высоких жанрах русской поэзии конца 18-начала 19 веков и т.д.

Интерпретационность жанра литературных переложений псалмов обозначена Л.Ф. Луцевич в ее диссертационном исследовании [3]:

- автор не творец, он перелагатель, интерпретатор, исходящий из заданного канона;
- основная тема переложения не самостоятельна, она определяется «разумом псалма»;
- текст псалма воспринимается перелагателем в 3-х аспектах: как религиозно-канонический, как поэтический, как образцовый.

Но вопрос о рассмотрении жанра литературных переложений псалмов на фоне герменевтических понятий и самой герменевтики как развивающейся науки о понимании смысла и теории интерпретации текста [4] остается открытым, хотя начало герменевтической науке положено в трудах Аврелия Августина об адекватном толковании именно Священного писания.

Для осмысления особенностей жанра литературных переложений псалмов как интерпретационного жанра важным, на наш взгляд, является наличие разного понимания учеными-герменевтиками вопроса о взаимодействии личного и сверхличного в процессе интерпретации как творческого акта, состоящего из двух основных этапов: этапа понимания текста и этапа собственно интерпретационной деятельности. В данной статье применительно к указанному жанру представлено некое видение этапа понимания сакрального

текста Псалтири автором-перелагателем в ракурсе классической герменевтики.

Основоположник современной герменевтики немецкий ученый Фридрих Даниель Эрнст Шлейермахер (1768-1834), автор трактатов «Диалектика», «Герменевтика», «Критика», дает такое понимание творческого акта, когда бессознательное выступает в качестве первоначального импульса. «Понимание» и «интерпретация» трактуются им как инстинкт и активность в самой жизни.

Теоретик герменевтики XX века Вильгельм Дильтей также основывался на теории понимания как интуитивного самопостижения. Он предполагал интерпретацию как путь исследования самосознания человека, так называемой «внутренней реальности», духовной жизни, ориентированный «...на то, чтобы в конечном счете понять поэта лучше, чем он сам себя понимает – охватить его идею... как неосознанную связь, которая живет, действует в организации произведения и открывается из его внутренней формы; поэту эта идея не нужна, он ее даже не вполне сознает, интерпретатор находит ее и это, может быть, высший триумф герменевтики» [5].

В отличие от В. Дильтея для Ханса Георга Гадамера в его книге «Истина и метод. Основные черты философской герменевтики» герменевтика не только метод познания в гуманитарных науках, «науках о духе». Истины в процессе понимания познаются не за счет методологической активности познающего субъекта, а за счет их освоения путем погруженности в определенную культурно-историческую традицию, в связи с чем, как нам кажется, произведение уже не предстает как замкнутая в себе, изолированная от мира реальность. Гадамер справедливо считает, что «предвосхищение смысла какого-то явления духовной жизни не является действием субъективности, оно определяется узлами, связывающими нас с традицией» [6]. Эта связь является непрерывным процессом по мере понимания автором

традиции, участия в ее потоке и ответного влияния на нее. Опыт толкования, таким образом, характеризуется, с одной стороны, принадлежностью к традиции, а с другой – осознаваемой исторической дистанцией, разделяющей первоисточник и интерпретатора. Задача истинного понимания не может быть достигнута путем отказа интерпретатора от своих собственных понятий и трансплантации себя в дух какого-либо времени (у нас – в дух Псалтири). Гадамер, как и Дильтей, утверждает, что смысловые потенции текста далеко выходят за пределы того, что имел в виду его создатель [7]. Да, если это касается авторского текста. В случае интерпретации богодухновенного текста псалма это утверждение, так же, как и цитируемое выше высказывание В. Дильтея, следует, на наш взгляд, рассматривать иначе: текст псалма обладает бесконечными смысловыми потенциями, в которых каждый читатель, и автор-интерпретатор в том числе, найдет нечто соответствующее его пониманию, его сознанию, его позиции, как личной, так и исторической. Литературная герменевтика считает, что произведение искусства нельзя понять само по себе как единичный продукт творческой деятельности. Произведение искусства является материальной объективацией традиции культурного опыта, поэтому его интерпретация имеет смысл лишь тогда, когда она намечает выход в непрерывность культурной традиции. Именно такое понимание значимости литературной интерпретации псалмов и лежит в основе нашего представления о месте данного жанра в русской литературе.

Понимание художественного текста, постижение его значения интерпретатором – это исследование. По мнению Поля Рикера, «это – сложная игра, возникающая между общим значением и отдельными его частями», в которой наконец наступает «счастье последнего прочтения», объединяющее все в единое целое [8]. Российский исследователь

В.Г. Маранцман в работе «Интерпретация художественного произведения как технология общения с искусством» [9] отмечает, что анализ (объяснение) требует не только разума, но и воображения, отзывчивости чувств, именно они являются ключами, открывающими мир художественного произведения. «А полный тончайшего лиризма мир Псалтири тем более», – добавим мы. Преодоление герменевтического круга поэтами, перелавшими псалмы, должно было быть особенно скрупулёзным и бережным, поскольку они имели дело с сакральным текстом. В связи с этим важен вопрос о разнокачественности значений, лежащих в тексте самом по себе, и значений, возникающих при прочтении текста в определенной реальности, а исповедальная жанровая природа псалма особенно к этому располагает. Читатель (перелаватель) приступает к чтению произведения (псалма) с определенными ожиданиями. Однако его ожидания, его мировоззрение изменяются в процессе чтения, особенно с учетом мощнейшего воздействия «псалмического разума». Поль Рикёр называет это способностью текста «вновь – представить» реальность [10], то есть происходит преобразование мира читателя (перелавателя) при встрече с миром текста. Иногда это чтение сопровождается борьбой, и когда перед интерпретатором предстает абсолютно авторитетный текст богодухновенной Псалтири, то тогда это борьба с самим собой, со своими недостатками. Псалтирь выполняет в таком смысле компенсаторную функцию. Вероятно, в результате этой борьбы и формируется система личностных ценностей. Таким образом, благодаря воздействию интерпретации выдающихся произведений, и Псалтири прежде всего, реальность постоянно меняется, что еще раз подтверждает взаимовоздействие личного и сверхличного в процессе творческой деятельности.

Понимание достигается открытостью к смыслу текста псалма, что обусловлено как церковной, так и истори-

ческой традицией на Руси, установлением связи того, что говорит текст, с совокупностью не только мнений интерпретатора, но и его душевных переживаний, то есть в процессе духовной коммуникации. Е.А. Чурганова приводит описание круговой процедуры понимания текста, данное профессором Штутгартского университета Г. Буком: «Сначала значение целого смутно предвосхищается, затем в свете этого... происходит понимание отдельных частей. Понимание частей накладывается на понимание целого, способствуя его спецификации в процессе подтверждения или коррекции первоначального понимания» [11].

В традиции интерпретации псалмов в русской поэзии предвосхищение смысла целого определяется именно глубиной контекста: наибольшей востребованностью Псалтири в той жизненной практике, где личность стремится к уединению, жаждет побыть наедине с собой и Богом, высочайшим уровнем знания текста Псалтири в русском обществе, национальными этическими представлениями, литературными пристрастиями эпохи. Герменевтика сознает преходящий характер познающей индивидуальности, утверждая факт глубокой исторической обусловленности как суждений человека, а значит, его сознания, так и деятельности. Отсюда открываются особые перспективы познания и оценки активности субъекта в художественной деятельности.

Интерпретационная деятельность, как принято считать, начинается с процесса понимания текста источника – это процесс познания «внутреннего содержания» с помощью внешних знаков, воспринимаемых нашими чувствами [12]. Псалтирь включает «божественное сознание», определенное отношение к миру и к человеку. Человеческое отношение к миру в основе своей определяется пониманием. В понимании постигаются Истины. Герменевтическое понимание направлено на реконструирование смысла, расшифровку истори-

ческого текста с целью осознания непрерывности духовного и культурного опыта человечества, на приобщение нового поколения и новой эпохи к прошлому, к традиции. Такая направленность свойственна и толкованиям Псалтири, в том числе жанру литературных переложений псалмов. В своей работе «Анализ поэтического текста» Ю.М. Лотман замечает: «Для того, чтобы полнее понять тот художественный язык, на котором с нами говорит автор, необходимо выйти за пределы текста». И далее справедливо утверждает, что решение этой задачи в полном объеме потребовало бы «колоссальных усилий» [13]. Контекст, в который может быть

включен сакральный текст псалма посредством все расширяющихся ассоциаций, воистину не имеет границ, так же, как и глубина самого текста. Смысл текста всегда шире того, что сказал автор, так как художественным словом «говорит» традиция, но особенно явно это ощущается при переложении сакрального текста, смысл которого бесконечен и вечен. В ходе интерпретации вечные понятия реконструируются так, что они одновременно содержат и понятия автора. Таким образом, понимание псалмодического стиха – это сплав личного и сверхличного, реализующийся в языке интерпретации псалма как результата творческой деятельности.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М. Христианская книжность Древней Руси. М., 1996. С. 24.
2. Ключевский В.О. Очерки и речи. М., 1913. С. 139.
3. Луцевич Л.Ф. Русская псалтырная поэзия: стихотворные переложения псалмов 18 века: Автореф. дис... д-ра филол. наук. СПб., 2002. С. 29-30.
4. Современное зарубежное литературоведение: концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник/ Под ред. И.П. Ильина, Е.А. Цургановой. М., 1996. С. 195.
5. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. №8.
6. Современное зарубежное литературоведение: концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник/ Под ред. И.П. Ильина, Е.А. Цургановой. 1996. С. 267.
7. Там же. С. 198.
8. Рикер Поль. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью М., 1995. С. 92-93.
9. Маранцман В.Г. Интерпретация художественного произведения как технология общения с искусством. Л., 1983.
10. Рикер Поль. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью М., 1995. С. 98.
11. Современное зарубежное литературоведение: концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник / Под ред. И.П. Ильина, Е.А. Цургановой. М., 1996. С. 203.
12. Там же. С. 257.
13. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972. С. 191.